

ными печатными источниками, дает исследователю богатые и достаточно надежные фактические данные.

А.С. Кручинин (Москва)

ЗНАК ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ПЕРВОПОХОДНИКОВ: ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ФАЛЕРИСТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

«Знак Отличия Первого Кубанского похода», учрежденный командующим Добровольческой армией генералом А.И. Деникиным 21 сентября / 4 ноября 1918 г., по праву считается одной из наиболее известных наград Белого движения, в определенном смысле слова продолжившей свое существование и в эмиграции. «Меч, обвитый терновым венцом» (официальное описание из деникинского приказа) или элементы этой эмблемы использовались при разработке новых знаков, в виньетках, на открытках и т.д. На чужбину была перенесена и деятельность Союза Первопоходников, образованного осенью 1919 г. в Екатеринодаре для взаимопомощи участников похода, в основной своей массе составлявших сплоченную корпорацию единомышленников.

Очевидно, что, будучи объединением лиц, имевших Знак Отличия 1-й или 2-й степени (для «принимавших действительное участие в боях с большевиками» и «не принимавших участия в сражениях» соответственно), Союз Первопоходников не нуждался в учреждении какой-либо дополнительной нагрудной эмблемы. В эмиграции возникал лишь вопрос о ношении массивных знаков на штатской одежде, который решался изготовлением «малых» (миниатюрных) вариантов награды, крепившихся не на колодке, а на розетке (известно об использовании ленты ордена Святого Георгия, присвоенной 1-й степени, награжденные же 2-й степенью, по логике вещей, должны были делать розетку из ленты ордена Святого Владимира). При этом знак заведомо оставался наградой за заслуги, аналогичной крестам или медалям за сражения или кампании, неоднократно учреждавшимся в Российской Империи.

Неудивительно поэтому, что дошедшая в 1939 г. до Деникина (вообще чрезвычайно щепетильного) информация «о практике награждения Знаком Первого Похода лиц, никакого отношения к Первому Походу не имеющих», вызвала возмущение старого генерала. Более того, миниатюрный знак, по сведениям Деникина, носил

председатель Русского Обще-Воинского Союза генерал А.П. Архангельский, косвенно вовлеченный в скандал вокруг обвинений, высказывавшихся некоторыми монархическими кругами Зарубежья в адрес покойных основателей Добровольческой армии генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова. Деникин, вступаясь за своих соратников, в частной переписке не стеснялся в выражениях («лицемерие необычайное», «эту сволочь надо вывести на чистую воду») и, по-видимому, испытывал против Архангельского персональное предубеждение.

Решению вопроса о незаконной «практике» помогают хранящиеся в архиве Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва) письма Деникина его другу и сотруднику полковнику П.В. Колтышеву за июль-август 1939 г. и снятая Колтышевым копия с письма генерала А.П. Филимонова Деникину в ответ на запрос последнего от 8 июля о «новых» награждениях Знаком Отличия. «...Главное Правление [Союза Первопоходников] поручило мне доложить Вам, – писал Филимонов, – что за все время существования Союза ни один человек, не участвовавший в Походе, не был награжден нашим знаком. Очевидно, Вы введены в заблуждение случаями предоставления права почетным членам ношения уменьшенного (не статутного) знака в розетке на национальной ленте (так в документе; видимо, речь идет о «розетке из национальной ленты» – А.К.). В частности, ген[ерал] Архангельский не был “награжден” маленьким знаком, а получил право его ношения на время его пребывания в звании почетного члена Союза».

В то же время вызывает удивление дополнительный аргумент Филимонова, утверждавшего: «знак этот для почетных членов был установлен еще до существования Союза». Возможно, перед нами неуклюжая попытка успокоить разгневанного Деникина ссылкой на мнимую давность традиции; однако, помимо логической неувязки («до существования Союза» не могло быть и почетных членов того же Союза), похоже, что и факты здесь искажены: скажем, вдове генерала С.Л. Маркова, входившей в число почетных членов, была (действительно еще до организационного оформления Союза) препровождена награда ее покойного супруга (без упоминаний о праве ношения), а вовсе не какой-либо особый вариант знака.

Нельзя не признать, что сама идея знака почетных членов выглядит удачной: розетка национальных цветов (бело-сине-красная, красный в центре) была неременной деталью Знака Отличия Пер-

вого похода, размещаясь на ленте и таким образом объединяя 1-ю и 2-ю степени. Поэтому выбор именно ее для знака почетных членов позволял, отсылая к исходной награде, не отождествлять новый знак ни с одной из степеней. Подчеркнем также, что речь должна идти именно о новом знаке, уже не отмечавшем личное участие в походе и не являвшимся боевою наградой (вряд ли случайно как раз в это же время было принято решение о передаче Знака Отличия по наследству).

Какова же причина того, что знак почетных членов Союза Первопоходников оказался забыт? – Помимо скудости иконографических источников и малочисленности самих почетных членов (в 1921 г. – трое, в 1924–1939 гг. добавилось еще шесть человек, а в 1949–1965 гг. – восемь), вероятно, свою роль сыграло то обстоятельство, что далеко не все пользовались своим правом на ношение такого знака. В частности, известна фотография К.В. Деникиной, избранной почетным членом Союза в 1949 г., почти через два года после смерти супруга, не с миниатюрным знаком на розетке, а с боевым Знаком 1-й степени, очевидно, принадлежавшим покойному генералу. Атрибуция же «фрачных» миниатюр, в которых можно было бы заподозрить знак почетных членов, по нашему мнению, должна быть обусловлена скрупулезным восстановлением «биографии» каждого такого знака и документальными доказательствами, кому именно он принадлежал.

А.В. Кубатин (Ташкент, Узбекистан)

«МАХРНАМАГ» («КНИГА ГИМНОВ») КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТИТУЛОВ

Произведение «Махрнамаг» («Книга гимнов», IX в.) одно из манихейских произведений на среднеперсидском языке было создано в Восточном Туркестане в среде Уйгурского каганата. «Махрнамаг», как и ряд других манихейских произведений, была найдена на территории Восточного Туркестана в конце XIX – начале XX в. Как справедливо отметил Г. Виденгрэн (Виденгрэн Г. Мани и манихейство. СПб., 2001. С. 165), тому, что манихейские книги и рукописи сохранились для потомков именно в этой местности, главным образом способствовали два обстоятельства: статус манихейства как государственной религии в уйгурском государстве и сухой климат Центральной Азии.